

ПОЛИТИКА

А. И. Швырков

ПОЧЕМУ ОБЩЕСТВАМИ УПРАВЛЯЮТ АМОРАЛЬНЫЕ ЛЮДИ

Ключевые слова: аморальность, политика, мораль, психологический дефект, власть, управление

К постановке проблемы

Я собираюсь обратиться к анализу проблемы, которую в первом приближении можно сформулировать в виде следующего вопроса: почему обществами управляют аморальные люди? Сразу должен заметить, что кому-то такая формулировка покажется преждевременной, ведь еще не известно, действительно ли доля аморальных людей среди носителей власти настолько велика, чтобы можно было говорить о некоей закономерности. Возможно, речь идет не более чем о заблуждении, о расхожем представлении, лишенном реальных оснований и являющемся, например, следствием зависти тех, у кого не получилось занять высокое положение, к тем, кому это удалось, «неудачников» к «победителям», то есть результатом фрустрации, *рессентимента*.

И правда, некоторые авторы рассуждают примерно в этом духе¹. Другие полагают, что соответствующая тенденция присутствует — но только в отдельных случаях².

Думаю, что наличие противоречивых мнений по этому вопросу обусловлено прежде всего отсутствием адекватных эмпирических данных, более того — *принципиальной невозможностью их получить*.

Вообще же поставленная проблема сама по себе может вызывать определенное неудобство. Хотя бы потому, что взявшись за ее решение ученым, возможно, рано или поздно придется признать (и объяснить остальным), что все мы живем под властью людей худших, чем большая часть обитателей земли, и изменить что-либо нам, скорее всего, не под силу.

Так как же мы все-таки должны поступить в этом случае? Подождать, пока не прояснится вопрос с долей аморальных людей среди власть имущих? Однако не исключено, что ждать придется долго. Между тем попытка ответить на вопрос «почему?» способна помочь нам более взвешенно подойти к вопросу «действительно ли?» и способам ответа на него. В связи с этим я предлагаю рассматривать два варианта — (а) на властном поле преобладают аморальные люди и (б) носители власти ничуть не аморальней остальных членов общества — как равно возможные.

1. Мы принимаем как гипотезу, что среди успешных политиков аморальных людей *слишком* много, и, опираясь на те теории, которые предоставляют нам гуманитарные и общественные науки, пытаемся

¹ См., напр. Bellamy 2010.

² К их числу относится, в частности, Ф. А. Хайек, пытавшийся показать, почему в тоталитарных государствах к власти приходят худшие (Хайек 1992).

понять, почему это так. Если нам удастся найти убедительное и непротиворечивое объяснение, это будет свидетельствовать в пользу исходной гипотезы.

2. Мы принимаем как гипотезу, что успешные политики, как правило, не хуже всех остальных. В этом случае необходимо выяснить, почему в обществе, а также среди многих ученых и философов бытует противоположное мнение. Кроме того, нужно ответить на вопрос, к чему приводят подобные мифы и каково их влияние на политический процесс и политический дискурс.

Разумеется, возможен и третий вариант, являющийся *комбинацией* первых двух, а именно: среди успешных политиков доля аморальных людей на самом деле несколько выше, чем в среднем по обществу, однако в силу неких обстоятельств (которые также требуется определить) она еще и завышается в массовом сознании. Но очевидно, что, приняв его за гипотезу, мы просто должны будем найти ответы на вопросы, встающие при анализе «чистых» вариантов.

Еще раз подчеркну: само выдвижение соответствующих гипотез есть следствие недостатка более или менее точных эмпирических данных (а также неопределенности понятий). Фантазия пробуждается тогда, когда не хватает опыта. Вместе с тем давно известно, что фантазия способна создать возможности для получения такого опыта.

Понятно, что при рассмотрении поставленных вопросов не обойтись без экскурса в область моральной философии. Сразу же подчеркну, что в своих рассуждениях я постараюсь избегать оценок тех или иных феноменов с точки зрения морали, будь то некая теория (или метатеория) морали или мои собственные представления о том, что морально, а что нет. Другими словами, я не буду *давать моральные оценки моральным феноменам*.

В общем случае чрезвычайно важным представляется исторический ракурс исследования: менялись ли взгляды на моральность политиков с течением времени и если да, то как именно? Однако в силу сложности проблемы и ограниченности объема статьи я буду «держаться в уме» прежде всего ситуацию последних нескольких столетий, эпохи формирования западного капитализма, национальных государств и т.д. По тем же причинам я остановлюсь только на *первой гипотезе* как наиболее радикальной и актуальной (тем более что вторая уже отчасти рассматривалась в работе Р.Беллами³).

³ Bellamy 2010.

О соотношении моральной и психологической проблематики

Помимо упомянутого способа оценивания правящих существует другой, появившийся позднее, в соответствии с которым они объявляются ущербными не в *моральном*, а в *психологическом* отношении («аномальными»). Как представляется, сегодня эта вторая оценка более распространена — возможно, в связи с тем, что она выглядит более «научной», менее оценочно нагруженной. Можно предположить, что переход от оценивания поведения людей в моральных категориях

⁴ См., напр. Фуко 2010.

к оцениванию его в категориях психологических есть результат секуляризации и смены мировоззренческой парадигмы вообще⁴. Не стоит ли тогда изменить поставленную задачу и искать ответ на вопрос: почему обществом управляют психологически ущербные люди? Поглощает ли понятие «психологическая ущербность» понятие «аморальность»?

Искушение поменять исходную формулировку на ее *психологический вариант* действительно велико. Но не будем спешить. Оснований для полного вытеснения моральной проблематики психологической на сегодняшний день недостаточно. Поэтому для большей строгости выводов будем пока исходить из того, что аморальность, вообще говоря, не тождественна психологической ущербности (хотя до того как психологические знания достигли определенного уровня, квалификация неких действий как аморальных была, вероятно, одним из способов маркирования патологического поведения).

Не следует ли в этом случае предположить, что содержание соответствующих понятий *пересекается*? Но и этого мы сделать не можем, не погрешив против научной объективности, поскольку аморальность и психологическая ущербность могут просто *коррелировать*. Вместе с тем, если бы нам удалось показать, что такая корреляция действительно существует и она вполне устойчива, то для решения интересующей нас проблемы этого было бы достаточно. Полагаю, что основания говорить о такой корреляции и ее устойчивости у нас есть. Однако для того чтобы подтвердить этот тезис, необходимо более подробно рассмотреть вопрос о происхождении, сущности и судьбе морали.

Можно выделить *два* главных подхода к определению сущности морали.

Согласно первому, мораль — это чисто историческое явление, то есть феномен, возникший на определенном этапе развития человечества и трансформирующийся в ходе этого развития.

Понимаемая таким образом мораль зарождается во многом стихийно, формируется постепенно. Совокупность моральных норм и воззрений отвечает уровню развития общества и меняется от эпохи к эпохе, от народа к народу. И хотя для каждого конкретного общества в конкретное время соответствующий набор моральных норм носит обязательный, абсолютный характер, в историческом плане эта абсолютность условна.

Один из выводов, который следует из подобной трактовки морали (впрочем, не с необходимостью), состоит в том, что в определенный момент мораль как феномен может исчезнуть.

Здесь я должен сделать одно важное замечание. Мораль, как уже говорилось, во многом стихийно формирующийся феномен, и насколько он зависит от установок и оценок философов, рассматривающих его, так сказать, со стороны, еще предстоит выяснить. Поэтому утверждать, что мораль может исчезнуть навсегда потому, что некие философы на основании каких-то своих наблюдений пришли к заключению, что набор моральных норм исторически детерминирован и потому

относителен, нельзя. Утрируя, можно сказать, что если некоторое количество людей считает те или иные воззрения предрассудками, это вовсе не означает, что данные воззрения перестанут существовать и определять поведение тех людей, которые их предрассудками не считают.

Другими словами, из того, что какая-то часть философов будет доказывать, что моральные нормы не абсолютны, отнюдь не следует, что мораль как нечто абсолютное (естественно, абсолютное для других людей) исчезнет.

Второй подход, которого до сих пор придерживаются отдельные философы, условно можно назвать *метафизическим*. В его рамках мораль рассматривается с точки зрения неких абстрактных принципов, справедливость которых не зависит от времени и исторических условий. Вопрос, таким образом, состоит в том, чтобы эти принципы отыскать⁵. Очевидно, что в основе данного подхода лежит представление о наличии некоей неизменной человеческой природы (которая, впрочем, может развертываться по мере исторического развития).

⁵ См., напр. *Мораль 1995; Апрель 2006*.

В чистом виде этот подход выглядит сегодня сомнительным, но мне кажется, что совсем сбрасывать его со счетов не стоит. Тем более что возможен третий подход, *объединяющий* два предыдущих. Речь идет о подходе, в соответствии с которым моральные нормы могут существенно меняться, но идентификация неких норм как моральных и их *категорическая императивность* присутствуют всегда.

С моей точки зрения, подобный взгляд на мораль требует признания того, что она существенным образом укоренена в психическом бессознательном, причем это бессознательное не может быть — во всяком случае, в сколько-нибудь обозримом будущем — постигнуто, *разложено* разумом. Как пишет В.Франкл, «то, что называют совестью, по сути, погружено в глубины бессознательного, коренится в подсознательной основе. Ведь большие и подлинно экзистенциальные решения в жизни человека всегда неререфлексируемы и тем самым неосознанны; истоки совести восходят к бессознательному»⁶.

⁶ Франкл 1990: 97.

В свете сказанного рассмотрим вопрос о современной морали. Современной я здесь называю ту мораль, которую чаще всего именуют *традиционной*. И это не натяжка, ибо сегодняшняя мораль в своих общих чертах сохраняет ключевые элементы традиционной морали — по-видимому, в силу значительной *ментальной инерции*: ментальные структуры (то, что К.Маркс характеризовал как «надстройку») меняются гораздо медленнее общественных отношений («базиса»).

Происхождение современных моральных норм с высокой долей вероятности можно связать с религией. Такая связь может быть двоякой.

1. Мораль вырастает *из* религиозных верований. Если это так, то с потерей религией своих позиций современные моральные нормы должны утратить абсолютность, императивность (что мы сегодня и наблюдаем). Однако поскольку общество, как уже отмечалось, достаточно инертно, процесс этот протекает сравнительно медленно, так что

у многих людей, в том числе и философов, до сих пор есть иллюзии по поводу *вневременной, внеисторической природы морали*.

2. Современная мораль и религия — *самостоятельные феномены*, имеющие, однако, *общее начало*. Наиболее очевидный претендент на роль такого начала — психическое бессознательное. В этом случае отмирание религии вовсе не влечет за собой (по крайней мере, с необходимостью) полное отмирание современной морали. Хотя, безусловно, многие из ее норм могут потерять свою императивность.

Поскольку второй вариант менее жесткий, предлагаю на нем остановиться⁷.

Помимо всего прочего, приведенные выше соображения дают дополнительные основания утверждать, что между аморальностью и психологической ущербностью имеется устойчивая связь. Действительно, если мораль существенным образом укоренена в психическом бессознательном, а психологические отклонения, если верить психоанализу, всегда обусловлены психологическими травмами, полученными на ранних стадиях становления личности и ушедшими в бессознательное, то можно предположить, что такие травмы могут негативно повлиять на мораль получившего их индивида.

NB! В мифологии, давно признанной неисчерпаемым источником информации о структуре психики, можно легко найти примеры, подтверждающие данный тезис. Возьмем классический миф об Эдипе. Как известно, Эдип получил власть, совершив два поступка, которые, вероятно, следует квалифицировать как самые аморальные из всех возможных: убил своего отца и женился на матери. Тот же миф указывает на серьезные нарушения в отношениях с родителями как один из возможных источников сбоев в формировании морали. Однако вопрос о влиянии этого фактора на развитие *властолюбия*, одержимости властью требует более тщательного изучения.

Все это, разумеется, не может рассматриваться как полноценное обоснование связи аморальности и психологической ущербности. Однако я и не ставил такой цели — для подобного обоснования у меня просто не хватит квалификации. Главной своей задачей я считал «наведение мостов» (пусть и не очень прочных) между сферами, которые обычно рассматриваются изолированно друг от друга.

Что нам дают те выводы, к которым мы пришли? В частности, они позволяют рассчитывать на то, что *рассмотрение психологического варианта анализируемой проблемы облегчит поиск путей решения самой этой проблемы*. Но является ли избранное направление исследования (*психологическая проблема* → *моральная проблема*) более плодотворным, чем обратное? Я полагаю, что да⁸. И хотя на данный момент мне трудно развернуто аргументировать свою позицию, уверен, что такой выбор будет оправдан его результатами.

⁷ Можем ли мы влиять на выработку новых моральных норм или этот процесс полностью стихлен? Некоторые современные философы считают, что такое влияние возможно (см., напр. Хабермас 2001).

⁸ Надеюсь, что предыдущие рассуждения защитят меня от обвинений в психологическом редуccionизме.

Конечно, предложенный подход не лишен недостатков. Даже если нам удастся объяснить, почему психологически уязвимые люди добиваются власти чаще, чем остальные, из этого не будет автоматически следовать, что мы решили и вопрос с аморальными людьми. Во всяком случае, нам нужно будет указать на условия, при которых подобный вывод будет обоснован.

Почему же правят «худшие»

Позволю себе начать с еще нескольких предположений, которые хотя и могут показаться довольно рискованными и слишком общими, на самом деле вполне очевидны и не требуют особых доказательств.

Власть имеет две стороны. Первая — собственно властвование, вторая — управление. Соответственно, человек, стремящийся к власти, может теоретически стремиться либо к властвованию, либо к управлению. Естественно, таких «чистых» случаев обычно не бывает, поэтому речь должна идти о превалировании одного из мотивов. Какой из двух мотивов сильнее? То есть, какой человек будет более энергично и настойчиво бороться за власть — тот, которым движет прежде всего стремление властвовать, или тот, кого больше интересует управление?

В целом превалирование стремления управлять (или, лучше сказать, недостаточно сильное стремление властвовать) свидетельствует об относительной рациональности индивида, его интеллектуальной и духовной развитости. Такой человек в большей степени способен оценивать свои поступки с точки зрения соотношения затрат и выгод и с большей вероятностью откажется от борьбы, если поймет, что издержки слишком велики (я пока абстрагируюсь от экстремальных ситуаций, когда речь идет о жизни и смерти). И он, вероятно, не станет рассматривать *власть-как-властвование* как нечто ценное само по себе, стоящее любых усилий. То есть, власть для него скорее средство, нежели (само)цель.

В свою очередь, для человека, для которого важно властвование, власть является самоцелью. В данном случае стремление к власти нужно, по-видимому, трактовать как иррациональное, и логика «затраты—выгоды» здесь практически не работает (или работает существенно слабее, чем при ориентации на управление).

Можно предположить, что иррациональность стремлений есть следствие некоего психологического дефекта. А раз стремление властвовать, господствовать над другими людьми носит иррациональный характер, у нас есть основания связывать его с наличием определенных психологических проблем.

Если стремление властвовать настолько сильно, что реализуется в конкретных действиях, его можно рассматривать как своего рода *манию*. Мания, как правило, захватывает человека целиком, забирая чуть ли не все его силы. Люди, стремящиеся к власти ради власти, по сути, действуют как одержимые, которых не интересует ничего, кроме объекта их мании. И поскольку они бросают на достижение цели почти все

свои силы, при прочих равных условиях у них больше шансов добиться власти, чем у тех, для кого та не является объектом маниакального стремления.

Не могу не упомянуть о стойкой ассоциации с детьми, которая возникает у меня, когда я думаю о людях, одержимых стремлением к власти. Действительно, в этом своем стремлении они во многом похожи на детей, когда те, например, настойчиво добиваются игрушки, прилагая к этому максимум своих детских сил и не считаясь ни с какими последствиями. Правда, в случае взрослых, одержимых стремлением к власти, речь идет о совсем других интеллектуальных и энергетических затратах и совсем иных последствиях.

Думаю, эта ассоциация с детьми возникает неспроста (и не у меня одного). Ведь одержимость чем-либо свидетельствует о неразвитости психики, о пребывании какой-то важной ее части в инфантильном, то есть *детском*, состоянии.

В связи с этим стоит заметить, что если уж зрелые, относительно психологически здоровые люди и начинают, так сказать, «до крови» бороться за власть, то чаще всего речь идет о ситуации, когда их жизни или жизни близких им людей угрожает опасность. Когда же опасность устранена, власть им становится не нужна — во всяком случае, охоты как-то особо злоупотреблять ею у них не возникает. Можно предположить, что больше всего «психологически ущербных» людей при власти появляется в относительно спокойные времена, когда не надо экстренно спасать родину, тушить пожар и т.п. Хотя, возможно, именно в такие времена они наносят наименьший вред...

Приведенные выше рассуждения можно резюмировать так: люди, стремящиеся к власти как к самоцели (действительно стремящиеся, то есть предпринимающие для ее достижения реальные шаги и бросающие на это почти все свои силы), даже не обладая особыми способностями, имеют больше шансов ее получить, чем остальные, поскольку этим остальным власть либо не особенно нужна, либо они не готовы (не хотят) тратить на ее получение ту энергию, которую тратят первые.

Если сказать совсем коротко: одержимые скорее достигают цели, чем те, кто руководствуется по преимуществу рациональными мотивами.

Теперь мы непосредственно выходим на ту проблему, о которой речь шла в предыдущем разделе статьи, а именно на проблему соотношения между аморальностью и психологической ущербностью. Ведь показав, почему следует ожидать, что люди с психологическим дефектом, выражающимся в стремлении к власти как самоцели, будут добиваться ее чаще, чем другие, мы, вообще-то говоря, еще не показали, что эти люди аморальны. Другими словами, мы не можем со стопроцентной уверенностью утверждать, что данный психологический дефект влечет за собой аморальное поведение (или хотя бы коррелирует с ним). Тем не менее, надеюсь, рассуждения предыдущего раздела дают нам право предполагать, что вероятность истинности такого утверждения достаточно велика, — собственно, для этого они, рассуждения, и были нужны.

Менее абстрактные, чем приведенные выше, основания мы найдем, если вспомним, в чем проявляется власть ради власти и как именно ведет себя человек, которого власть интересует сама по себе. Как правило, такой человек помыкает другими, унижает их, заставляет совершать бессмысленные, иррациональные поступки и т.п. Люди, воспринимающие власть как самоцель, часто с легкостью готовы пожертвовать другими, чтобы эту власть сохранить, i.e. демонстрируют именно то поведение, которое практически в любой культуре (по крайней мере, сколько-нибудь развитой) считается аморальным.

Таким образом, мы можем допустить, что иррациональное стремление к власти ради власти действительно всегда (почти всегда) сопровождается аморальным поведением, а значит, скорее всего, является как минимум коррелятом того психологического дефекта, который и порождает в человеке это иррациональное стремление.

Данные соображения легко проиллюстрировать с помощью кругов Эйлера (см. рис. 1).

Пусть:

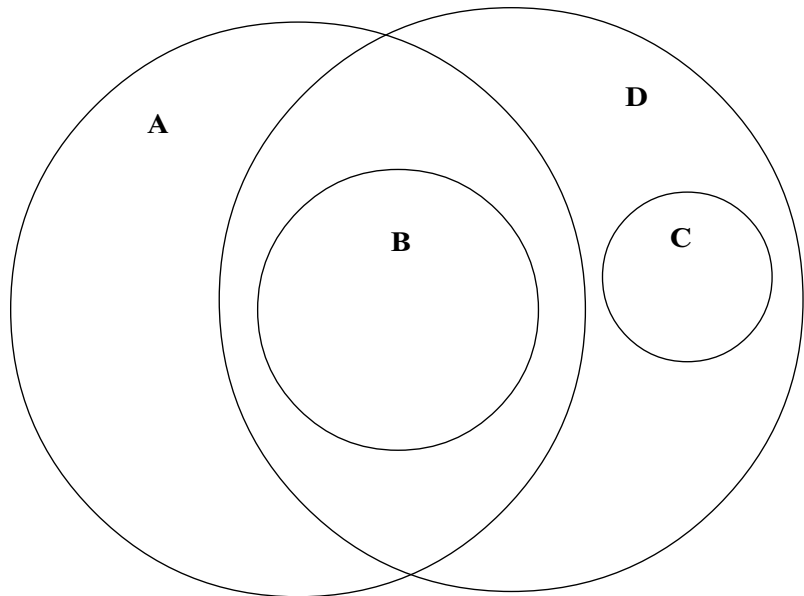
A — аморальные люди;

B — люди, обладающие властью и рассматривающие ее как нечто ценное само по себе;

C — люди, обладающие властью и воспринимающие ее лишь как средство;

D — люди, обладающие властью.

Рисунок 1

Область круга D, не закрытая другими кругами, нуждается в дополнительной интерпретации, хотя ее появление может быть просто следствием несовершенства самого способа отображения соотношений между объемами понятий с помощью кругов Эйлера.

Предыдущие рассуждения в большей степени касались *внутренних условий*, необходимых для получения власти. Внешние же условия, то есть *условия со стороны общества*, были обрисованы недостаточно выпукло. Это упущение я сейчас и попытаюсь устранить.

То, что кто-то стремится к власти с большей настойчивостью (одержимостью), чем другие, само по себе не гарантирует, что он ее получит. Здесь многое зависит от общества. Но может ли оно действительно воспрепятствовать занятию руководящих должностей людьми, которые жаждут этих должностей не столько ради «общего блага», сколько для удовлетворения собственных прихотей?

Следует признать, что определенный отсев существует. Однако достаточен ли он? Полагаю, что нет. Обусловлено это многими факторами, в том числе отсутствием у большинства граждан интереса к политике, а также банальным обманом со стороны тех, кто стремится к власти (даже душевнобольные порой способны продолжительное время манипулировать окружающими). Продвижению аморальных людей по властной лестнице благоприятствует и то, что процессы, о которых идет речь, довольно длительны (ведь к власти, как правило, пробиваются не за один день), скрыты и просто физически не могут быть отслежены сколько-нибудь значительным числом людей, которые, естественно, не знают доподлинно, что происходит во властных кабинетах, к каким договоренностям приходят полушепотом и т.д. Вероятно, поэтому для многих бывает неприятным сюрпризом, когда вдруг обнаруживается, что некая личность, известная им как отпетый негодяй, в один прекрасный день оказывается, например, депутатом. Когда же дело уже сделано, вернуть этого человека на подобающее ему место требует таких усилий, что большинство осведомленных о его не слишком высоких нравственных качествах просто машут на это рукой в надежде, что это случайность — остальных-то они не знают. Зато их знают другие, и чаще всего тоже не с лучшей стороны. Однако те, кто точно знает, что данный высокопоставленный чиновник — подлец, как правило, не знакомы с теми, кто обладает аналогичной информацией относительно другого высокопоставленного чиновника, и наивно думают, что «их» подлец — это исключение, что хороших людей больше, чем плохих и т.д. В целом идея, думаю, понятна. Данный механизм хорошо объясняется теорией *коллективных действий* и может служить ее иллюстрацией⁹.

⁹ *Олсон 1995.*

Можно было бы привести и другие причины, по которым общество *попустительствует* тому, что командные посты занимают люди, мягко говоря не годящиеся на роль моральных образцов, однако ограниченные рамки статьи не позволяют мне на них останавливаться.

В завершение этой части анализа хочу указать на дополнительное (если не главное) основание привлечения «психологического момента»

к решению поставленной проблемы (это уместно сделать именно сейчас, поскольку высказанные выше соображения делают его более вычужденным). Дело в том, что чисто *этический* подход не позволяет объяснить, почему аморальный человек не просто стремится к власти, но и предпринимает для ее достижения определенные шаги, прилагает усилия (часто очень значительные) и т.д. Иначе говоря, он не объясняет очевидный *энергетический компонент*, присутствующий в рассматриваемом феномене. Психологический же подход еще со времен З.Фрейда во многом исходит как раз из энергетического понимания психики.

О возможности поглощения аморального патологическим

Для максимального охвата всех возможных ситуаций позволю себе еще раз вернуться к проблеме соотношения аморального и *психологически* (психически) *ущербного* и проанализировать возможность вытеснения понятия «аморальное» понятием «патологическое». В этом случае речь будет идти о том, что обществом управляют люди с определенным психологическим дефектом, проявляющимся, *в частности*, в поведении, которое традиционно считается аморальным. Другими словами, аморальность перестает быть самостоятельным понятием, сущностью, то есть теряет свою субстанциальность и поглощается (во всех смыслах) понятием «патологическое». Формально ситуация не меняется, однако пропадает оценочная нагруженность. Отказываясь от рассмотрения аморальности как самостоятельного, независимого от понятия «патология» понятия, мы тем самым следуем принципу, известному как «брита Оккама», и не плодим лишних сущностей (или элиминируем их). Область морального полностью поглощается областью психологического.

Но здесь необходимо сделать одно важное уточнение. Если предположение о возможности поглощения аморального патологическим справедливо (хотя бы для сферы политического), то патологично не столько само стремление к власти, сколько индивиды, ее в конце концов добивающиеся. Под патологичными индивидами (если такое словосочетание уместно) я понимаю тех, у кого имеются психологические патологии, побуждающие их к власти стремиться.

Упомянутая выше возможность является чисто *логической*. А существуют ли реальные свидетельства того, что аморальное *действительно* поглощается патологическим? Думаю, определенные основания для утвердительного ответа на этот вопрос у нас есть. Вот некоторые из них.

1. В Западной Европе безумие первоначально ассоциировалось с грехом, то есть так или иначе находилось в сфере религиозных верований, и лишь в классическую эпоху стало считаться болезнью¹⁰.

¹⁰ См. Фуко 2010.

2. На протяжении многих веков в сфере, охватываемой религией, находилось и аморальное. Постепенно (начиная, вероятно, с Фрейда) и параллельно с процессом секуляризации аморальное стало все чаще рассматриваться с точки зрения психической патологии.

¹¹ Точкой отсчета здесь может служить «Психопатология обыденной жизни» того же Фрейда (Фрейд 1990).

3. Сфера психологической патологии со временем расширяется¹¹. Патологический компонент обнаруживают во все большем числе человеческих мотивов и поступков. Более того, уже можно, наверное, утверждать, что такой компонент в той или иной мере присутствует в *любом* мотиве. Вопрос, таким образом, заключается в том, *какова эта мера*.

Зафиксированные тенденции позволяют говорить о высокой вероятности дальнейшего расширения сферы психологической патологии, охватывающего в том числе и область политического. Это расширение будет все более обыденным, рутинным. Следствием данного процесса станет распространение представлений о политическом (то есть об относящемся к власти и борьбе за нее) как в большей мере патологическом, чем аморальном. Вместе с тем можно предположить, что со временем представление о психологической патологии, в свою очередь, начнет исчезать, уступив место чему-то иному (подобно тому, как в классическую эпоху родилось представление о безумии). Возможно, я слишком забегаю вперед, но мне кажется, что это *уже происходит*, хотя качественные характеристики *зарождающегося феномена* пока едва ли поддаются идентификации.

К сказанному могу лишь добавить, что поскольку в древних культурах и на Востоке одержимые рассматривались как отмеченные высшими силами (то есть безумие опять же имело отношение к религиозным верованиям), а европейский взгляд на психологию человека в той или иной форме и мере разделяет сегодня большинство образованных людей, то данные выводы можно экстраполировать почти на все человечество.

Заключительные замечания

Берясь за написание этой статьи, я ставил своей целью не столько «решить проблему», сколько четко ее артикулировать, тем самым повысив ее «вес» в научном дискурсе. Я полностью отдаю себе отчет, что и сама постановка проблемы, и некоторые важные положения, на которых строятся мои выводы, являются недостаточно аргументированными. Особенно с учетом того, что сегодня политология превращается в эмпирическую науку, в значительной степени сосредоточенную на верификации теоретических положений. Однако для того чтобы верифицировать то или иное положение, его нужно сначала сформулировать. Необходимо обозначить поле исследования, разбить его на участки, то есть выделить основные направления, по которым можно будет проводить дальнейшие изыскания, и т.д. Именно эту работу я и попытался проделать: поставленная проблема задает поле исследования, разбиение же его на участки осуществляется с помощью тех гипотез, которые я позволил себе высказать по ходу рассуждений.

И еще несколько замечаний.

Степень рационализации управления обществом с каждым столетием неуклонно повышается. Однако это вовсе не отрицает наличия у людей, стремящихся к власти, иррациональных мотивов и *превалиро-*

вания их над рациональными, равно как и возможности сочетания иррациональных целей и рациональных путей их достижения (вспомним, к примеру, анализ психологии А.Эйхмана, осуществленный Х.Арендт¹²).

¹² *Арендт 2008.*

Данный вопрос следует рассматривать в связи с общим повышением уровня образованности людей. Формы проявления иррациональности стали более завуалированными, часто подавленными рационализмом — но, естественно, никуда не делись. Я имею в виду, что методы борьбы за власть, способы продвижения по властной лестнице, конечно, в какой-то степени изменились, став более «приличными», однако присутствующий в них элемент иррациональности и, говоря без обиняков, обычной подлости едва ли заметно уменьшился.

То же самое относится и к роли демократии, точнее, демократических процедур и контроля над властью, с которыми уже не первое столетие связывают надежды на рационализацию управления.

Демократизация и рационализация процесса управления (являющиеся во многом следствием усложнения общества и повышения его благосостояния) предъявляют дополнительные требования к тем, кто стремится к власти, накладывают на них дополнительные ограничения, можно сказать, дополнительно *отягощают их выполнением полезных для общества функций*. В результате они, бесспорно, становятся более подготовленными к управлению обществом. Но ни демократизация, ни рационализация не лишают этих людей иррациональных мотивов, заставляющих их стремиться к власти.

Библиография

- Апресян Р.Г. 2006. Понятие общественной морали (Опыт концептуализации) // *Вопросы философии*. № 5.
- Арендт Х. 2008. *Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме*. — М.
- Мораль и рациональность. 1995. — М.
- Олсон М. 1995. *Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп*. — М.
- Франкл В. 1990. *Человек в поисках смысла*. — М.
- Фрейд З. 1990. Психопатология обыденной жизни // Фрейд З. *Психология бессознательного*. — М.
- Фуко М. 1994. *Слова и вещи: Археология гуманитарных наук*. — СПб.
- Фуко М. 2010. *История безумия в классическую эпоху*. — М.
- Хабермас Ю. 2001. *Вовлечение другого: Очерки политической теории*. — СПб.
- Хайек Ф.А. 1992. *Дорога к рабству*. — М.
- Bellamy R. 2010. Dirty Hands and Clean Gloves: Liberal Ideals and Real Politics // *European Journal of Political Theory*. Vol. 9. № 4.